

ОСОБЕННОСТИ ТОЛКОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКИМ СУДОМ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА СТАТЬИ 2 ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД

Валиуллина Ияна Фаритовна

Магистрант Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: elyana-valiulina@mail.ru

Анализируется ст. 2 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, закрепляющая право на жизнь. Автор подробно рассматривает три группы обязательств государств по данной статье (позитивные, негативные и процессуальные), а также называет ключевые дела Европейского Суда по правам человека («Осман против Соединенного Королевства», «Пентякова и другие против Молдавии»). Исследуются основания, оправдывающие применение представителями государства смертоносной силы, и главный вопрос, заключающийся в том, было ли в этих случаях применение силы более интенсивным, чем «абсолютно необходимо» для конкретных обстоятельств. Исходя из практики Европейского Суда по правам человека автор формулирует составляющие по каждой группе обязательств.

Ключевые слова: права человека, право на жизнь, позитивные, негативные, процессуальные обязательства государств

THE FEATURES OF INTERPRETATION OF ARTICLE 2 OF THE EUROPEAN CONVENTION FOR THE PROTECTION OF HUMAN RIGHTS AND FUNDAMENTAL FREEDOMS BY THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

Valiullina Ilyana

Ural State Law University (Yekaterinburg), e-mail: elyana-valiulina@mail.ru

The article analyzes art. 2 of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, which establishes the right to life. The author examines in detail three groups of obligations of states (positive, negative and procedural), as well as the key cases of the European Court of Human Rights (Osman v. the United Kingdom, Pentiacova and Others v. Moldova). She investigates the grounds for justifying the use of lethal force by state representatives and the main question of whether, in these cases, the use of force were more intense than «absolutely necessary» for specific circumstances. Relying on the practice of the European Court of Human Rights the author outlines components for each group of obligations.

Key words: human rights, right to life, positive, negative, procedural obligations of states

Первое право, провозглашенное в Европейской конвенции по правам человека (далее – ЕКПЧ), а именно в ст. 2, – это право на жизнь, самое основное право человека. Фундаментальная природа данного права определяется тем фактом, что ст. 2 ЕКПЧ является одной из нескольких статей Конвенции, которые не могут быть умалены во время войны или другого чрезвычайного положения.

Вместе с запретом пыток и других запрещенных видов жестокого обращения, указанных в ст. 3, ст. 2 охраняет одну из основных ценностей демократических об-

ществ, создавших Совет Европы. Обстоятельства, при которых лишение жизни может быть оправдано в соответствии со ст. 2 (в порядке самообороны и пр.), должны строго толковаться.

Статья 2 содержит два основополагающих элемента, которые отражены в двух ее пунктах:

общее обязательство по защите права на жизнь «законом» (п. 1);

запрет на лишение жизни, за исключением особо оговоренных случаев (п. 2).

В научной литературе дается множество классификаций обязательств государств, например широко распространено деление международных обязательств государств на негативные и позитивные¹.

Относительно ст. 2 представляется уместной следующая классификация.

I. Негативные обязательства.

В практике принятия решений о том, являются ли явно необоснованными или нарушающими ст. 2 предполагаемые действия представителей государства, связанные с лишением жизни, часто возникают два вопроса. Первый: можно ли вменить в вину конкретному человеку лишение жизни другого человека, если первый выступает от имени государства, т. е. наделен государственными полномочиями? Классическим примером является использование силы сотрудниками полиции или военнослужащими. Второй вопрос: относится ли такое применение к исключениям по п. 2 ст. 2 и было ли оно «абсолютно необходимым»?

Чтобы вменить лишение жизни в вину лицу, действовавшему от имени государства, необходимо на основании приводимых фактов доказать, что указанное лишение жизни несомненно было результатом действий представителей государства. Иногда вопрос ответственности за деяние может оставаться открытым, но в большинстве случаев он решается довольно просто. Причем после того как установлено, что лишение жизни было результатом действий представителя государства, основное внимание переносится на собственно использование силы, приведшее к гибели людей, а также на вопрос о том, как именно планировалась и контролировалась операция, приведшая к этому использованию силы. Необходимо всегда иметь в виду, что в тех случаях, когда использование известных по своим последствиям или потенциально смертоносных средств такими представителями государства, как сотрудники полиции или военнослужащие, повлекло либо преднамеренное убийство, либо непредусмотренную гибель людей, необходимо ставить вопрос о цели применения силы, о том, какие задачи ставились и решались применением силы и с какой интенсивностью она применялась. Эти вопросы вытекают из указанных в п. 2 ст. 2 четырех групп обстоятельств, согласно которым представители государства могут применять силу, способную лишить человека жизни.

Оценка того, насколько «абсолютно необходимым» было применение смертоносной силы, предполагает и оценку цели этого применения, поэтому при подготовке жалобы следует прояснить все вопросы, касающиеся не только действий представителей государства, управлявших применением этой силы, но и любого из сопутствующих обстоятельств, включая планирование таких действий и осуществление соответствующего контроля.

Ответственность государства может также возникать в случае ошибочного обстрела территорий его представителями, приведшего к гибели гражданских лиц, поскольку

¹ Akandji-Kombe J.-F. Positive obligations under the European Convention of Human Rights: A Guide to the Implementation of the European Convention on Human Rights. Council of Europe. 2007. P. 5–6.

ст. 2 требует соблюдения мер предосторожности при выборе средств и методов проведения операций по обеспечению безопасности, чтобы свести к минимуму риск случайных потерь среди гражданского населения.

При рассмотрении дела *Giuliani and Gaggio v. Italy*, № 23458/02, 24 марта 2011 г.¹, где речь шла о разгоне воинственно настроенного сборища лиц, Суд подчеркнул необходимость рассматривать события с точки зрения сотрудника сил правопорядка, подвергающегося нападению. Учитывая крайне опасный для жизни характер нападения на полицейскую машину, Суд пришел к выводу, что офицер действовал из искреннего убеждения в появлении угрозы для его собственной жизни и физической неприкосновенности и для жизни и физической неприкосновенности его коллег. Таким образом, применение им смертоносной силы, в результате чего по сыну заявителя сначала был открыт огонь, а затем его сшибла полицейская машина, было абсолютно необходимым.

Требование рассматривать события с точки зрения атакуемого сотрудника сил правопорядка сыграло решающую роль и при рассмотрении дела *Ramsahai and Others v. Netherlands*, № 52391/99, 15 мая 2007 г.², где речь шла о лишении подозреваемого жизни при попытке сотрудника полиции подвергнуть его аресту. Два сотрудника полиции, находившиеся при исполнении обязанностей, во время патрулирования заметили проезжающего на мотороллере («скутере») человека, походившего по незадолго до этого разосланному описанию на человека, который, угрожая оружием, отнял «скутер» у его владельца. Полицейский притормозил водителя, но тот потянулся за пистолетом. Выхватив табельное оружие, сотрудники полиции приказали подозреваемому бросить пистолет, но тот, не подчинившись, поднял ствол и направил его на одного из сотрудников. Последний, выстрелив, убил подозреваемого наповал. Суд постановил, что применение силы в данных обстоятельствах не было несоразмерным, подчеркнув, что полицейский стрелял только после того, как подозреваемый начал поднимать на него заряженный пистолет, убедив сотрудника в наличии реальной угрозы его жизни.

II. Позитивные обязательства.

Исходя из практики Европейского Суда по правам человека позитивные обязательства включают в себя:

- 1) обязательство установить правовые нормы, в том числе: эффективные уголовные законы и процедуры; стандарты доказывания, необходимые для установления ответственности государства за незаконное лишение жизни;
- 2) обязательство привлекать виновных за незаконное лишение жизни;
- 3) обязательство защищать лиц, чья жизнь находится под угрозой:
  - лиц, обращающихся к властям с просьбой обеспечить им защиту;
  - лиц, подвергающихся загрязнению окружающей среды;
  - лиц, находящихся на грани самоубийства или убийства со стороны третьих лиц в заключении.

Позитивное обязательство государства принимать превентивные меры для защиты определенного лица или лиц возникает, в частности, в тех случаях (как в деле *Osman v. United Kingdom*, № 23452/94, 28 октября 1998 г.), когда власти знали или

¹ URL: <https://www.hudoc.echr.coe.int/2Fapp%2Fconversion%2Fpdf%2F%3Flibrary%3DECHR%26id%3D001-93948%26filename%3D001-93948.pdf%26TID%3Dthkbhnilzk&usg=AFQjCNH0JfYIM17CblDmZI6sUIDofSSHWQ&sig2=ukoLWH3HYZRqj4StSCZaVg&cad=rjt> (дата обращения: 26.02.2017).

² URL: <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?p=&id=1133595&Site=COE&direct=true> (дата обращения: 26.02.2017).

должны были знать о наличии «реальной и непосредственной опасности для жизни определенного лица или лиц в связи с преступными действиями третьих лиц».

В тех случаях, когда государство не получило заблаговременного предупреждения, т. е. информации о возможной опасности для жизни людей, позитивное обязательство отсутствует. Но как только эта обязанность возникла, непринятие властями в рамках своих полномочий мер, которых можно было бы от них ожидать для устранения этой опасности, может представлять собой нарушение права на жизнь. Для того чтобы сослаться на эту обязанность, необходимо доказать, что власти не предприняли всех мер, которые с разумным основанием можно было бы от них ожидать, для устранения реальной и непосредственной угрозы жизни, о которой власти знали или должны были знать.

Обычно позитивное обязательство властей по принятию мер возникает в случаях задержания лиц, т. е. когда государство можно считать взявшим на себя обязанности более высокого уровня за благополучие задержанных лиц. Речь, в частности, идет о необходимости размещать в отдельной камере заключенных, подвергающихся опасности воздействия со стороны других заключенных, о склонности которых к насилию известно тюремной администрации. Также это касается ситуаций, когда тюремной администрации известно, что те или иные заключенные склонны к самоубийству из-за имеющихся у них психиатрических расстройств. Наконец, Суд в отдельных делах приходил к выводу, что такая же обязанность по защите лиц может возникать и в случаях, когда за государством закреплен меньший объем ответственности, например в отношении призывников.

Позитивная обязанность установлена и по делу *Öneryıldız v. Turkey*, № 48939/99, 30 ноября 2004 г.¹, где речь шла о полученных муниципальными властями Стамбула заключениях экспертов, из которых следовало, что на полигоне с отходами накапливаются метановые газы и существенно усиливается опасность взрыва, от которого могли пострадать проживающие поблизости люди. Полигон в конце концов взорвался, и несколько человек погибли.

Иным был вывод Суда по делу *Berü v. Turkey*, № 47304/07, 11 января 2011 г.², где речь шла о девочке, которую загрызли собаки, предположительно принадлежавшие одному из подразделений местной жандармерии. Сотрудник жандармерии, во время дежурства увидевший нападение собак на ребенка, не открыл огонь, опасаясь попасть в девочку. Суд постановил, что утверждения о принадлежности собак органам жандармерии не основаны на достоверных данных, национальными судами установлено, что эти собаки были бродячими. По поводу неспособности жандармов предотвратить нападение Суд отметил, что до этого рокового случая имели место и другие инциденты, но этот факт недостаточен для принятия решения о наличии позитивного обязательства властей по принятию превентивных мер.

На рассмотрение Суда выносились несколько случаев, когда после условно-досрочного освобождения заключенные совершали убийство, но Суд до сих пор не приходил к выводу о том, что наличие возможности условно-досрочного освобождения как таковое противоречит ст. 2. Позиция Суда заключалась, скорее, в том, что такого рода системы условно-досрочного освобождения, в рамках которых учитываются отбытый срок и поведение в тюрьме, обеспечивают справедливую

¹ URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-67614> (дата обращения: 01.02.2017).

² URL: http://www.1cor.com/1315/?form_1155.replyids=621 (дата обращения: 26.02.2017).

сбалансированность между целями социальной реинтеграции и предотвращения рецидива с одной стороны и обязанностью защищать жизнь человека – с другой.

Как следует из дела *Choreftakis and Choreftaki v. Greece*, № 46846/08, 17 января 2012 г.¹, для того чтобы установить нарушение ст. 2 в тех случаях, когда условно освобожденный совершил убийство, важно выяснить, произошло ли что-либо накануне убийства, что могло убедить власти в необходимости особой защиты погибшего или в том, что его или ее жизни реально и непосредственно угрожало преступное поведение освобожденного преступника.

Суд постановил, что спорный вопрос по ст. 2 может возникнуть и в тех случаях, когда доказано, что власти Договаривающегося Государства создали «опасность для жизни человека, отказав ему в медицинской помощи». Например, по делу *Pentiacova and Others v. Moldova*, № 14462/03, 4 января 2005 г.², когда речь шла о хронической почечной недостаточности заявителей, которым требовался гемодиализ, Суд отметил, что заявители «утверждают, что в последние годы скончались целый ряд пациентов и ссылаются на случай Георге Лунгу, но не приводят никаких доказательств того, что причиной смерти стало отсутствие какого-либо конкретного препарата или отсутствие надлежащей медицинской помощи. Суд отмечает, что хроническая почечная недостаточность является очень серьезным прогрессирующим заболеванием с высоким уровнем смертности не только в Молдове, но и во всем мире. Поэтому сам факт смерти человека от этого заболевания не означает, что смерть была связана с недостатками в системе медицинского обслуживания». С учетом этого данная жалоба была признана явно необоснованной.

III. Процессуальные обязательства.

Процессуальные обязательства можно считать не «обязательством оказывать помощь (obligationofresult)», а «обязательством, требующим наилучшего исполнения (obligationofmeans)», поскольку расследование призвано помочь обеспечить подотчетность должностных лиц и убедиться, что они не могут действовать безнаказанно. С учетом этого для расследования должны быть предоставлены ресурсы и необходимые возможности выяснить, было ли применение силы оправданным по смыслу ст. 2.

Европейский Суд по правам человека предпринял необходимые усилия для тщательной проработки процессуального аспекта ст. 2 Конвенции в своих прецедентных нормах с тем, чтобы внутренние нормы и процедуры, обеспечивающие защиту права на жизнь, в каждом конкретном случае давали реальный результат. Действительно, запрет на незаконное или произвольное лишение жизни будет в значительной степени бессмыслен в отсутствие строгого требования о внутреннем расследовании по процессуальным аспектам с целью эффективного применения национальных законов, направленных на защиту жизни.

Независимо от выбранного способа расследования нужно помнить, что власти, получившие информацию по конкретному вопросу, должны действовать по собственной инициативе. Они не должны дожидаться, когда такую инициативу проявят ближайшие родственники, желающие подать официальную жалобу или провести расследование. Таким образом, получив информацию о незаконных убийствах, исчезновениях или покушении на убийство, власти должны провести эффективное расследование даже в отсутствие официальной жалобы и даже в случае ее отзыва.

¹ URL: <http://hudoc.echr.coe.int/webservices/.../003-3809235-4366262> (дата обращения: 26.02.2017).

² URL: <http://hudoc.echr.coe.int/webservices/content/pdf/001-115395> (дата обращения: 26.02.2017).

Чем серьезнее преступление и чем больше риск новых преступлений, тем выше должна быть вероятность того, что преследование будет продолжено в общественных интересах, даже если жертвы отзовут жалобы.

В целом требование эффективного расследования предположительно незаконного убийства, совершенного представителем государства, подразумевает, что лица, отвечающие за проведение расследования, и лица, проводящие его, должны быть независимы от лиц, причастных к происшедшему. Речь идет не только об отсутствии иерархической или институциональной связи, но и о независимости на практике.

При этом расследование должно проводиться безотлагательно и с разумной оперативностью. Для установления истины должны быть опрошены все свидетели: как поддерживающие, так и опровергающие официальную версию. Государственным органам надлежит, по меньшей мере, принять все входящие в их компетенцию меры для получения доказательств по делу, в частности обеспечить сбор необходимых вещественных доказательств, включая извлечение пуль, проведение металлургического анализа пуль или их фрагментов с целью определения изготовителя, поставщика и типа использованного оружия, а также составить баллистический отчет по возможным видам огнестрельного оружия.

Расследование и его результаты должны быть достаточно публичными, чтобы обеспечить необходимый уровень общественного контроля и участие родственников в проводимых действиях в той мере, в какой это необходимо не только для повышения доверия общественности к качеству расследования, но и для защиты их законных интересов.

Если отсутствие независимости или какая-либо иная значимая причина ставят под сомнение объективность расследования, в жалобе необходимо указать все причины, мешающие его надлежащему проведению, особенно если речь идет о резонансных делах, в которых особое значение приобретает сохранение доверия общественности. По крайней мере, так ставит вопрос Суд, который в своих решениях заявляет об обязанности обоснования отсутствия объективности, хотя бы в тех случаях, когда этого просит один из членов семьи погибшего.

В отношении событий, происшедших из-за халатности, а не преднамеренности, государствам предоставляется возможность обеспечить правовую защиту заявителя посредством гражданского, а не уголовного разбирательства. Так, в ряде случаев Суд заявлял, что если нарушение права на жизнь не является следствием преднамеренных действий, то достаточно применить не связанные с уголовным правом средства правовой защиты, такие как гражданский иск или дисциплинарные меры.

Совершенно очевидно, что возбуждения уголовного дела, как правило, не требуется в случае халатности медицинского персонала и халатного отношения сотрудников правоохранительных органов к своим обязанностям по защите человека от опасного для жизни поведения частного лица.

Суд указывает, что в таких случаях государствам надлежит «создать эффективную судебную систему для определения причин гибели человека; причин смерти, происшедшей в учреждении здравоохранения, и любой материальной ответственности соответствующего медицинского персонала» (*Calvelli and Ciglio v. Italy*, № 32967/96, 17 мая 2002 г.¹).

¹ URL: [http:// hudoc.echr.coe.int%2Fwebservices%2Fcontent%2Fpdf%2F003-479126-480306](http://hudoc.echr.coe.int%2Fwebservices%2Fcontent%2Fpdf%2F003-479126-480306) (дата обращения: 26.02.2017).

Понятно, что эти принципы сохраняют равную силу и в государственном, и в частном секторах здравоохранения, и в более общем плане в отношении государственных представителей и частных лиц в тех случаях, когда смерть была результатом халатности. При этом даже в случае фактов, имевших место в армейских казармах, в отношении которых Суд исходит из более высокой ответственности государства за благополучие военнослужащих, государство не обязано осуществлять уголовное разбирательство по факту убийства из-за небрежного отношения к своим обязанностям (см. дело *Stoyanovi v. Bulgaria*, № 42980/04, 9 ноября 2010 г.¹).

При этом, несмотря на необходимость информировать родственников жертвы о результатах расследования, Суд не считает, что из ст. 2 автоматически вытекает требование обеспечивать ближайшим родственникам погибшего доступ к механизмам проводимого следствия. Нужно помнить, что ст. 2 не устанавливает для следственных органов обязательства удовлетворять каждую просьбу родственника погибшего о проведении в ходе расследования того или иного следственного действия.

Таким образом, процессуальные обязательства государств сводятся к следующему:

обязательство проводить эффективное расследование;

обязанность проводить расследование на основе полученной информации о незаконном лишении жизни;

обязанность проводить расследование по факту использования силы, которая потенциально может привести к смерти;

обязанность проводить расследование и бороться с терроризмом;

обязанность проводить своевременное расследование;

обязанность обеспечить доказательства;

обязанность обеспечить общественный контроль за расследованием;

обязанность обеспечить независимость расследования;

обязанность объяснить причины отказа в возбуждении уголовного дела.

Таким образом, ст. 2 затрагивает широкий круг спорных ситуаций, но статья эта, как правило, применяется только в случае фактической гибели человека, когда можно ставить вопрос о том, была ли смерть результатом:

незаконного применения силы представителями государства;

отказа государства принять соответствующие позитивные шаги для защиты жизни путем принятия законов и специальных защитных мер;

неспособности провести тщательное расследование и наказать виновных либо, наоборот, ввести в действие иную соответствующую процедуру по исправлению положения.

Библиография

Akandji-Kombe J.-F. Positive obligations under the European Convention of Human Rights: A Guide to the Implementation of the European Convention on Human Rights. Council of Europe. 2007.

Case of *Berü v. Turkey* (application № 47304/07). Judgment, 11 January 2011 // URL: http://www.1cor.com/1315/?form_1155.replyids=621.

Case of *Calvelli and Ciglio v. Italy* (application № 32967/96). Judgment, 17 May 2002 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int%2Fwebsites%2Fcontent%2Fpdf%2F003-479126-480306%>.

Case of *Choreftakis and Choreftaki v. Greece* (application № 46846/08). Judgment, 17 January 2012 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/websites/.../003-3809235-4366262>.

Case of *Giuliani and Gaggio v. Italy* (application № 23458/02). Judgment, 24 March 2011 // URL: <https://www.hudoc.echr.coe.int%2Fapp%2Fconversion%2Fpdf%2F%3Flibrary%3DECHR%26id%3D001-93948%26file->

¹ URL: <http://swarb.co.uk/stoyanovi-v-bulgaria-echr-9-nov-2010> (дата обращения: 26.02.2017).

name%3D001-93948.pdf%26TID%3Dthkbhnilzk&usg=AFQjCNH0JfYIM17CblDmZI6sUIDofSSHWQ&sig2=ukoLWH3HYZRqJ4StSCZaVg&cad=rjt.

Case of *Öneryildiz v. Turkey* (application № 48939/99). Judgment, 30 November 2004 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-67614>.

Case of *Pentiacova and Others v. Moldova* (application № 14462/03). Judgment, 4 January 2005 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/webservices/content/pdf/001-115395>.

Case of *Stoyanovi v. Bulgaria* (application № 42980/04). Judgment, 9 November 2010 // URL: <http://swarb.co.uk/stoyanovi-v-bulgaria-echr-9-nov-2010>.

Case of *Ramsahai and Others v. the Netherlands* (application № 52391/99). Judgment, 15 May 2007 // URL: <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?p=&id=1133595&Site=COE&direct=true>.

Bibliography

Akandji-Kombe J.-F. Positive obligations under the European Convention of Human Rights: A Guide to the Implementation of the European Convention on Human Rights. Council of Europe. 2007.

Case of *Berü v. Turkey* (application № 47304/07). Judgment, 11 January 2011 // URL: http://www.1cor.com/1315/?form_1155.replyids=621.

Case of *Calvelli and Ciglio v. Italy* (application № 32967/96). Judgment, 17 May 2002 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int%2Fwebservices%2Fcontent%2Fpdf%2F003-479126-480306%>.

Case of *Choreftakis and Choreftaki v. Greece* (application № 46846/08). Judgment, 17 January 2012 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/webservices/.../003-3809235-4366262>.

Case of *Giuliani and Gaggio v. Italy* (application № 23458/02). Judgment, 24 March 2011 // URL: <https://www.hudoc.echr.coe.int%2Fapp%2Fconversion%2Fpdf%2F%3Flibrary%3DECHR%26id%3D001-93948%26filename%3D001-93948.pdf%26TID%3Dthkbhnilzk&usg=AFQjCNH0JfYIM17CblDmZI6sUIDofSSHWQ&sig2=ukoLWH3HYZRqJ4StSCZaVg&cad=rjt>.

Case of *Öneryildiz v. Turkey* (application № 48939/99). Judgment, 30 November 2004 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-67614>.

Case of *Pentiacova and Others v. Moldova* (application № 14462/03). Judgment, 4 January 2005 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/webservices/content/pdf/001-115395>.

Case of *Stoyanovi v. Bulgaria* (application № 42980/04). Judgment, 9 November 2010 // URL: <http://swarb.co.uk/stoyanovi-v-bulgaria-echr-9-nov-2010>.

Case of *Ramsahai and Others v. the Netherlands* (application № 52391/99). Judgment, 15 May 2007 // URL: <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?p=&id=1133595&Site=COE&direct=true>.